

12+

Игнатов Н. А.

Случай с Григорием Антоновичем

Рассказ

Николай Александрович Игнатов

Случай с Григорием

Антоновичем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41813994

SelfPub; 2019

Аннотация

Обычный человек может легко оказаться не таким уж обычным. И не таким уж человеком...

Григорий Антонович Жданов начал лысеть давно, когда ему еще не было и тридцати. Гены сказались, а может экология, точно неизвестно. Сейчас, в его сорок четыре, он был совсем плешив, и только седоватой, почти ровной окантовкой, редели по бокам черепа остатки былой шевелюры. За многие годы у него даже выработалась чуть обезьянья привычка тереть ладонью плешь во время сильного волнения. Было даже похоже, что он в такие моменты старательно полирует и без того блестящую до бликов свою макушку. Сегодня, не смотря на вечер пятницы, сидел Григорий Антонович на кухне, над рабочими бумагами и тер лысину. А все оттого, что получил днем на работе втык от начальника (и, получил-то по делу) за очевидные ошибки в расчете последнего заказа товара на склад.

Работа логиста – ответственное дело, тут ошибаться никак нельзя, тем паче, когда заявку составляешь аж на неделю торговли! Многомиллионные обороты с прямых продаж, прибыль, контроль рынка и прочее, важность всего этого он прекрасно осознавал. Тут ведь и формулы расчета заказа тебе в помощь, и статистика, и сезонные факторы, и еще разные, отдающие болотной гнильцой, хитрости науки товародвижения и продаж. А он возьми да накосячь! Ну циферка, сволочь закорючная, сползла куда-то, ну не заметил он! Но ведь такое впервые (почти), такое ж ведь более никогда...

Но начальник Григория Антоновича, Севастьян Кирилло-

вич, не хотел на этот раз слушать оправданий. «Вот ведь сопляк-то еще! – в сердцах ругался на руководителя горе-логист. – Лет на пятнадцать меня моложе, а как распинает! Что я ему, пацан какой-то?! Да я в торговле работал, когда он еще прыщи в школе давил». Севастьян Кириллович, который действительно был много моложе Григория Антоновича, как раз тогда уловил на лице отчитываемого следы внутреннего протеста, и даже, прервав монолог, предложил ему слово. Но, как следовало ожидать, Григорий Антонович только чуть покраснел и, потеряв мокрой ладонью лысину, кротко отказался говорить. Он почему-то поймал себя на мысли, что начальник заметил в нём тень раздумий именно о давлении прыщей в школе. «Почему в школе?! – корил он себя. – Дома же их все давили».

Если коротко, то кончилась экзекуция штрафом среднего размера, предупреждением – мол, в следующий раз будете искать новую работу, любезный, а также домашним заданием на выходные – подготовиться к внеочередной аттестации по профилю. Что и говорить – товара по заказу логиста Жданова Г.А. привезли во множестве именно в тех позициях, которыми и без того был забит склад торговой компании, а того, что вот-вот закончится, и который ждут не дождутся клиенты, не привезли почти вовсе. Такого позора, Григорий Антонович не испытывал давно. Впрочем, позор этот был больше показательным, сам промеж себя не очень-то он и досадовал, более обижаясь на укор «самодурствующего сопляка».

Посмотрев на безучастно тикающие часы на стене, Григорий Антонович вздохнул, перевёл взгляд на бутылку с бренди, скучавшую на краю стола, и отодвинул в сторону противные бумаги с формулами. «К чертям собачим, баста! – гремел внутренний бунтарский голос в голове его. – Еще два выходных впереди, успеется! Да и что я, в самом деле, аттестацию не пройду по своим прямым обязанностям, которые уже лет двадцать как исполняю?! Пройду, конечно. Эх, вот раньше было время, раньше б какая тебе нафиг аттестация! Проще как-то было. И люди проще были, сейчас вот умные больно стали. К черту!».

Улыбнувшись своей уверенности, он зловеще потер было руки над бутылкой, и вдруг прислушался. Кажется, жена проснулась, или дочь. Кто-то топал в дальней комнате, вроде как. Нет, слава Богу, показалось. Ну-с, можно и грамм сто пропустить, пятница ж, однако. Григорий Антонович с наслаждением намахнул рюмочку и занюхал долькой лимона. Умиротворение начало овладевать им, тепло нежными волнами расходилось по всем его членам. Как, все-таки, прекрасна жизнь! До чего ж мелочны, до чего ж ничтожны все эти вопросы злобы дня, рабочие будни, какие-то бытовые склоки и прочая дребедень, сутолока, брэнность. Да и сам начальник, Севастьян этот Кириллович, пацанишко, тоже – мелочь ведь! А жизнь, она ведь, она... Нить мысли, что возникла от внезапной кратковременной эйфории в гудящей голове Григория Антоновича, вдруг стала столь ослепительно

яркой, что даже лопнула. И через мгновение он уже не помнил, о чем думал, и чему только что умилялся. Только эхом отзывалось в глубинах души его размытое чувство нелепой и глупой радости чему-то большому и светлому.

После второй рюмки Григорий Антонович начал набираться храбрости. Он решил – во что б это ни стало он пойдет на балкон и выкурит сигарету. Решимость его твердела с каждой секундой, а смелость в этой авантюре и вправду была нужна большая. Сердце у Григория Антоновича не на шутку пошаливало последние лет десять, так что не один раз уже за это время лежал он по этой причине в больнице. К тому же проклятое давление постоянно норовит подскочить, так что и пить-то ему вообще-то нельзя. Но кто ж из тех, кому нельзя, не выпьет, когда очень хочется. Правильно – мало кто. Курить же Григорию Антоновичу строго настрого запретил кардиолог сразу же после первого пребывания в больнице. Собственно, тогда так ему стало страшно, что он сразу же и бросил, но все-таки, очень редко, позволял себе выкурить одну-две. Естественно в полнейшей тайне ото всех, особенно от жены, Анастасии Юрьевны, Настеньки, а уж она в этом отношении была сама строгость. Григорий Антонович поставил бутылку в шкаф, сполоснул и насухо вытер рюмку, и походкой ночного воришки стал красться на балкон, выход на который, к счастью, находился в ближней от кухни комнате. Пачка сигарет лежала в записке, в болотном сапоге, лет уже не менее двух.

Майское ночное небо изо всех сил старалось чернеть, но множество ярких и не очень звезд, да еще и месяц, колдун, играючи сводили на нет эти старания. Григорий Антонович, краем глаза скользнув по краю этого волшебства, почему-то вновь загрустил, и стал думать о работе.

Как бы ни было это удивительно и нелогично, но так часто бывает с человеком: прожил он достаточно лет разной степени паршивости, а может наоборот – лет прекрасных, и столько всего важного, значительного в его жизни случилось, что не опишешь; тут и его детские радости вперемешку с печальями, взросление, душевные боли, пубертатные переживания, осмысление мира и своего в нем места, и встреча истинной любви, и рождение детей... жизнь, как она есть, словом; а он, человек этот, возьми да начни вдруг думать о какой-нибудь аттестации или прочем вздоре, и думы эти так возвеличиваются в нем, до такой степени его всего занимают, что всё прочее, истинно важное, выбрасывают к чертям собачьим из головы, а сами там остаются царями.

Вот и с нашим Григорием Антоновичем именно так сейчас было, когда он, боязливо прислушиваясь – не проснулась ли Настенька или дочь, Катюшка, прикуривал сигарету. Ещё вчера вечером, да и сегодня утром всего его занимали важные, сплошь нужные мысли. Он придумывал, как бы удивить Катюшку на день рождения, который будет у нее совсем скоро; что подарить – неужели всё-таки новый смартфон?! Не рано ли?! У неё и старый вроде ещё пашет, да и дорогова-

то для десяти лет-то... Хотя, сейчас дети в школе все такие модные, у многих дорогие телефоны, что же она хуже других?! Опять же – звать ли всех этих родственников, или так, в узком кругу, да только пусть подружек своих пригласит?! Размышления о дне рождения дочери упирались постоянно в мысленный тупик, где как бы стояла кирпичная стена, на которой висела табличка: «Гриша, без Насти ты всё равно ничего здесь не решишь!».

А сколько месяцев они с Геннадьичем, старинным другом, ждали рыбалку! Да всю зиму. Ждали, когда растает чёртов снег, станет тепло, и можно уже будет подёргать карасей на удочку. Дождались ведь, собирались завтра с утра. Теперь куда уж! И пусть уж теперь эта треклятая заводь на озере манит, хоть заманится пусть своей предрассветной гладью, под которой ждут сотни и тысячи голодных рыб! Нет, можно конечно было и съездить, и к этой аттестации успеть подготовиться, время позволяет, только вот настроения теперь никакого.

«Да и холодно будет наверняка, с утра-то, – вспомнив о рыбалке, думал Григорий Антонович, – к черту! Успеем ещё порыбалить, май только начался. А с работой шутить никак нельзя. Аттестация – вот что важно сейчас, чтоб этого Севастьяна Кирилловича...»

Не успев додумать, что именно поджидало начальника, Григорий Антонович вдруг дёрнулся телом, закусил губу, чтоб не вскрикнуть, и сильно затряс рукой. Оказалось, что

он, весь погрузившись в свои невеселые размышления о работе и о том, как порой она мешает жить, вот уже минут пять как тупо глазел на звёздное, гипнотическое небо. Про сигарету он забыл, она вся истлела и обожгла ему палец. Покурить с первого раза ему толком не удалось, и он, снова ворочаясь прислушиваясь, закурил вторую палочку смерти.

Сильно затянувшись, аж до покалывания в груди (всё-таки сердце-то пошаливает), Григорий Антонович снова задрал голову к испещренному древними искрами потолку планеты. Луна была сегодня яркой, почти полной, но свет звезд почти не заглушала.

Звёзды. Что в них? Он уже лет двадцать старается вовсе не смотреть на эти точки, и не замечать, что они есть, но получается это не всегда. Как магнитом его взгляд притягивается к чертовым огонькам наверху, и впадает тогда Григорий Антонович в оцепенение. Может простоять так пока шея не занеет, или пока кто-нибудь не хлопнет по спине – живой, мол, Гриша?

Он выпустил изо рта клуб табачного дыма и даже попытался пустить кольцо, прицелившись прямо на сиявший безмятежной древностью бледный диск луны. Кольца из дыма у него почти никогда не получались – стажу маловато, а в этот раз, глядите-ка, кольцо удалось. Да ещё какое! Ровное, большое, полетело оно прямо к светилу, разрастаясь, становясь плотнее. Григорий Антонович удивился кольцу, и подметил, глядя сквозь него, что было сейчас очень похоже, как если б

он смотрел в ночное небо со дна колодца и видел бы только одну жирную яркую Гекатову личину.

Так и оказалось. Он чуть не вскрикнул от испуга, вовремя вспомнив про своих, спящих в доме, когда обнаружил себя не мирно курящим на балконе, а сидящим на дне неглубокого, но узкого колодца. Сверху, заполнив почти весь колодезный диаметр, глядела с укором на Григория Антоновича луна. Больное сердце его внезапно дало о себе знать, видимо выкурил-то многовато, а ему и совсем ведь нельзя. Закололо слева в груди несильно, но протяжно. Григорий Антонович зажмурился и наклонил голову, успев заметить зеленоватую слизь на стенках. Дыхание его участилось, а на горячем лбу выступили крупные капли. «Вот и галлюцинации пошли, – панически вздыбливались мысли в пульсирующем мозгу. – Вот тебе и сердечный приступ! Хана, Гриша! Говорили же – не кури, дубина, не пей! Нельзя тебе!».

Чудилось ему, что и не луну это он видит из колодца, а тот самый свет в конце тоннеля, о котором так много болтают. «Помираю... эх, Настенька рассердится» – пронеслось в голове перед тем, как боль вдруг прошла. Свет луны во все не собирался становиться предтечей панихиды и горестных лиц родственников, друзей (Геннадьича, собственно) и сослуживцев «ушедшего в расцвете сил» – как сказали бы о нем, Григория Антоновича. Бледный диск просто начал тускнеть и обретать черты лица. И лица, сказать по правде, до боли знакомого. Большой горбатый нос, тусклые, выдав-

шие всякое, глаза, толстая нижняя губа, вечно в не по возрасту яркой помаде, морщины, морщины, опять морщины, и пуделевые неопрятные седые кудряшки. Точно, Ильинична! Это бухгалтерша с работы, довольно вредная пожилая женщина, у которой всегда плохо пахло изо рта, и которая постоянно гнусаво бормочет себе под нос, когда водит ногтем по цифрам в ведомостях. Ильинична... Но как? И какого хрена?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.